

Источник: Казань. — 2011. — № 10. — С.60-63.

Забывать не в силах

Моё общение с Рустемом Яхиным, продолжавшееся более сорока лет и перешедшее в последние два десятилетия в тесную дружбу, всегда доставляло мне огромную радость.

Я благодарен судьбе, что встретил такого умного, обаятельного, доброго и в высшей степени благовоспитанного человека, дружба с которым украсила мою жизнь.

**Афзал
ХАЙРУТДИНОВ**

...Весной 1948 года в зале Казанского музыкального училища давали концерт студенты Московской консерватории — уроженцы Казани. Играли пианисты Борис Землянский, Рустем Яхин, ещё несколько человек. Яхин блестяще исполнил одну из баллад Шопена. После концерта многие прошли в артистическую комнату поздравить исполнителей с успехом. Я дольше других задержался около Яхина. Собственно, здесь и произошло моё знакомство с ним.

С сентября 1950 года я начал учиться в аспирантуре при Московской консерватории. Вскоре мы с Рустемом стали встречаться, посещая различные концерты — симфонические, камерные. К тому времени он уже закончил учёбу, но часто бывал в Москве.

В беседах об услышанном, об исполнителях, о татарской музыке выяснилось единство точек зрения. Это нас сблизило.

В Москве в ту пору регулярно проходили концерты татарской музыки в виде сольных концертов известных татарских или башкирских певцов. Для участия в этих концертах приглашались и инструменталисты: Рустем Яхин, скрипачка Халида Ахтямова, в то время студентка консерватории. Эти концерты всегда проходили при аншлагах на сценах московских театров или в Октябрьском зале Дома союзов. Помнится, мы с Рустемом Яхиным выступили в ансамбле с Мунирой Булатовой, когда она исполняла его новый романс «Песнь любви», где есть развёрнутая партия виолончели. Яхин играл и свои фортепианные пьесы. Слушатели принимали его всегда тепло.

В 1954 году, завершив учёбу, я вернулся в Казань. Мы часто виделись на концертах, дружеских вечеринках у общих знакомых. Он избегал шумных компаний. Его невозможно было уговорить провести вечер среди мало знакомых ему людей. Если он всё же оказывался в такой среде, то чувствовал себя неуютно, стремился быстрее уйти. В узком же кругу друзей он бывал раскованным, весёлым и общительным.

Мне очень памятен вечер 3 апреля 1955 года. Состоялся мой первый после приезда из Москвы сольный концерт совместно с замечательным пианистом Борисом Евлампиевым. Наши друзья после концерта предложили где-нибудь собраться для дружеского ужина. Встал вопрос — где? Я ещё не имел ни семьи, ни своего жилья. Музыковед Зайнаб Хайруллина, с которой меня связывает многолетняя дружба, предложила собраться в её квартире.

Небольшая компания из молодых педагогов консерватории и музыкального училища направилась туда. Среди нас был и Рустем Яхин. Импровизированный вечер удался на славу. Весёлые анекдоты, шуточные рассказы о забавных случаях из жизни артистов, дружеские тосты развеселили всех. Начались танцы, пляски. Под общее рукоплескание вставших в круг гостей каждый должен был исполнить свой номер — спеть или станцевать. Когда очередь дошла до Рустема, он весь как-то преобразился и решительно пустился в пляс под музыку лезгинки. Танцевал он ярко и зажигательно. Схватив со стола нож, в вихре танца держал его в зубах.

Танец вызвал всеобщий восторг. Видеть Рустема таким свободным и весёлым доводилось очень редко. Пожалуй, похожий случай был на свадьбе композитора Хуснуллы Валиуллина.

Во всех других многочисленных случаях, когда мне доводилось быть вместе с Рустемом на праздничных вечерах, юбилеях, свадьбах (в том числе и на своей),

**«Я мучительно переживаю
утром то, что написал
ночью. Нередко
уничтожаю написанное».**

днях рождения, он всегда бывал в меру весел, дружелюбен, но — в определённых рамках. Спиртное употреблял весьма умеренно.

Приезд в Казань в 1956 году для участия в работе пленума композиторов Татарии народного артиста СССР профессора Шапорина, по классу которого Яхин окончил Московскую консерваторию, сыграл в его жизни значительную роль. Рустем, оказывая гостеприимство своему наставнику, пригласил его на обед домой. Комната, где он жил с матерью, оказалась в сложном лабиринте коммунальных клетушек с очень низким потолком. Юрий Александрович был шокирован условиями, в которых жил и творил его любимый ученик. Буквально на следующий день состоялась его экстренная встреча с руководством республики. Какой разговор там произошёл, можно лишь догадываться. Были слухи, что Шапорин пристыдил руководство обкома, грозился устроить Яхина на постоянное местожительство в другую республику, где ему обеспечат надлежащие условия для жизни и творчества.

Рустема вызвали в горсовет и вручили ордер на вселение в двухкомнатную добротную квартиру в новом доме в Ленинском районе. В те времена такое деяние властей в отношении молодого музыканта, даже если он композитор, было воспринято общественностью как сенсационное.

Яхина связывала большая личная и творческая дружба с поэтом Мустафой Нугманом. Когда бы я ни приходил к Рустему, там оказывался и Мустафа. Его спокойный, уравновешенный характер, широкие познания в области истории, литературы, культуры Востока, умение создавать хорошее настроение помогали нашему общению.

Бывая на радио, Рустем часто запросто заглядывал к нам домой. Он привык к на-

шей обстановке и к нашим детям. Не раз прослушивал их исполнение на фортепиано, делал замечания, играл сам, показывая блестящее владение инструментом и тонкий художественный вкус. Детям это нравилось, они ждали новых встреч с ним.

Рустем умел ценить удачную шутку. Мог иногда и сам рассказать какой-либо забавный эпизод из своей жизни, однако ему было свойственно больше слушать, меньше говорить.

В разные годы я обращался к Рустему по вопросам, касающимся моих обработок, переложений народных песен, произведений татарских авторов для виолончели с фортепиано. Он всегда находил время просматривать их и делать ценные замечания.

Вспоминаю наши с ним беседы о процессе творчества. Легко ли пишутся его песни, романсы, что даётся труднее? У нас получился довольно продолжительный разговор, который немало меня удивил. Рустем сказал, что для него композиция — тяжёлый, мучительный труд, что он иногда сердится сам на себя за плохой характер: не может, как некоторые, написав за один присест, больше не возвращаться к этому произведению. «Я мучительно переживаю утром то, что написал ночью. Нередко уничтожаю написанное». Я недоумевал, зачем рвать сочинённое?! Может пригодиться для другого случая. Он ответил:

— Нет, этого я сам не хочу. Находка, которая мне не понравилась при рассмотрении на свежую голову, не должна мешать поиску других тем, возможно, совсем непохожих, новых. Всё, что люди знают о моих сочинениях — это результат долгих обдумываний, сомнений, многократных переделок. То, что меня полностью не удовлетворяет, я никому не показываю. Быть может, поэтому многие думают, что я мало пишу, ленив. Пишу я много, но не всё меня устраивает. Конечно, сначала я должен увлечься идеей, хорошим текстом. Мне необходимо некоторое время для обдумывания этой идеи — в какой форме я могу передать её в музыке.

— Что самое главное в композиторском ремесле?

— Хороший вкус и профессионализм. Конечно, нужно, чтобы изначально были художественная фантазия и образное мышление. Без этих качеств вообще не стоит выбирать эту трудную профессию.

В антракте концерта
из произведений
композиторов
Татарстана.
М. Булатова,
Р. Яхин,
Х. Тазетдинова
(Яхина),
Ф. Хасанова,
Г. Ильясов,
Х. Валиуллин.
Актовый зал
Казанской
консерватории
Казань.
Середина 1980-х

— Как ты относишься к техническим правилам, на основе которых происходит процесс сочинения? Не трудно ли их соблюдать?

— Если есть идея произведения, хороший замысел, — правила никогда не могут быть препятствием к сочинению. К тому же в нашей практике больше исключений, чем самих правил. Профессионализм и хороший вкус помогут преодолеть такие трудности.

В дальнейших вопросах я пытался выяснить, нет ли в его творческих планах желания создать произведение крупной формы. «Были бы силы, здоровье, — сказал он, — задумок много». Я понял, что Яхин хотел бы заняться сочинением крупного сценического произведения.

Многие годы близкие друзья Рустема собирались в день его рождения у него дома. В последний раз это случилось 16 августа 1992 года. Рустем встретил нас приветливо, хотя был уже серьезно болен. Он еле передвигался, все его движения были замедленны. Когда по традиции после чаепития мы перешли в гостиную, Рустем сел за рояль, Мунира Булатова начала петь его песни. С огорчением мы услышали, что пианистическая форма Рустема уже не та, к какой мы привыкли. Грустно было это наблюдать...

Со времени кончины Рустема Яхина минули годы. Вспоминая его, мы часто размышляем о несправедливости судьбы. Жизнь постоянно испытывала его на проч-

ность. Рано лишившись отца, он с детских лет должен был бороться за выживание, реализацию своих способностей. Несмотря на все невзгоды, Яхин стал выдающимся композитором, чей яркий талант признан музыкальной общественностью всей страны.

Когда в 1993 году суверенной Республике Татарстан понадобился свой гимн, правительством была образована комиссия по отбору музыки гимна. Я счастлив, что был в её составе. Члены комиссии рассмотрели более двадцати музыкальных произведений. После многократных прослушиваний и тщательного обсуждения в течение нескольких недель были отобраны две песни: «Туган ягым» Рустема Яхина и обработка народной песни «Тяфтилясе».

Депутаты Верховного Совета республики, прослушав их в оркестровом исполнении, тайным голосованием решили отдать предпочтение песне Яхина. Это стало признанием выдающегося успеха композитора, сумевшего ярко, высокопрофессионально выразить в песне о родном крае красоту, величие и достоинство своего народа. Тяжело больной автор гимна успел порадоваться этому большому событию в жизни республики и его собственной. Гимн, подобно памятнику, венчает большой творческий путь Рустема Яхина в татарской музыкальной культуре.

Хайрутдинов Афзал Насретдинович — виолончелист, профессор Казанской государственной консерватории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации и Республики Татарстан.